

Список литературы

1. Блог губернатора Астраханской области Александра Жилкина. – Режим доступа: <http://alexandr-jilkin.livejournal.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Гришин Н. В. Информационная борьба в ходе электорального кризиса в Астрахани в 2011–2012 гг. / Н. В. Гришин // *PolitBook*. – 2012. – № 1. – С. 61–74.
3. Записка рабочей группы ЦИК РФ о выборах в Астрахани. – Режим доступа: <http://basanets.com/2012/04/zapiska-rabochej-gruppy-cik-rf-o-vyborah-v-astraxani>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Заявление Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в связи с голодовкой протеста по итогам муниципальных выборов в Астрахани. – Режим доступа: <http://www.president-sovet.ru/news/2133>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Коммуниста придушили его собственным галстуком Астрахани. – Режим доступа: http://punkt-a.info/view_page/view/14774, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Родин И. Госдума не приняла к сведению голодовку Шеина / И. Родин // *Независимая газета*. – 2012. – 20 апреля. – С. 3.

References

1. *Blog of Astrakhan Region Governor Alexander Zhilkin*, available at: <http://alexandr-jilkin.livejournal.com>.
2. Grishin N.V. Information struggle in the electoral crisis in Astrakhan in 2011–2012. *Polit-Book*. 2012, no. 1, pp. 61–74.
3. *Note CEC working group on elections in Astrakhan*, available at: <http://basanets.com/2012/04/zapiska-rabochej-gruppy-cik-rf-o-vyborah-v-astraxani>.
4. *Statement by the Council under the President of the Russian Federation for Civil Society Institutions and Human Rights, in connection with the hunger strike on the basis of the municipal elections in Astrakhan*, available at: <http://www.president-sovet.ru/news/2133>.
5. *Communist strangled by his own tie Astrakhan*, available at: http://punkt-a.info/view_page/view/14774.
6. Rodin I. The State Duma has not taken note of the Shein hunger strike. *Nezavisimaja gazeta*. 2012, 20 April, p. 3.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИИ РОССИИ И УКРАИНЫ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹**

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
E-mail: baranovandrew@mail.ru

Выявлены сходства и различия постсоциалистических трансформаций региональных политических сообществ России и Украины. Аргументируется циклический тип развития региональных институтов, практик и политических культур обеих стран.

Ключевые слова: региональная полития, постсоциалистические трансформации, Россия, Украина, сравнительный анализ.

**REGIONAL POLITIES OF RUSSIA AND UKRAINE:
COMPARATIVE ANALYSIS OF POSTSOCIALIST TRANSFORMATIONS**

Baranov Andrey V., D.Sc. (Political Science), D.Sc. (History), Professor

Kuban State University
149 Stavropol st., Krasnodar, Russia, 350040
E-mail: baranovandrew@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 10-03-00074а «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: сравнительный анализ».

Revealed similarities and differences in the post-socialist transformations of regional political communities of Russia and Ukraine. Argued the cyclic type of the development of regional institutions, practices, and political cultures of both countries.

Keywords: *Regional politicia, Post-socialist transformations, Russia, Ukraine, Comparative analysis.*

Актуальность темы работы состоит в том, что страны постсоциалистического ареала обрели в итоге двадцатилетних трансформаций качественно разнородные политические системы. Российская Федерация и Украина представляют повышенный интерес для сравнительного анализа трансформаций региональных политических сообществ (политий). Обе страны имеют сложное строение политических систем, относятся к территориально гетерогенным обществам. Важно выяснить, какие факторы влияют на траектории развития политических систем субнационального (регионального) уровня, на сложившиеся в итоге трансформаций политические институты, акторов политики, их ресурсы и стратегии активности.

Применены методики исследования: исторический неинституционализм и бинарный сравнительный анализ «по контрасту», концепция социокультурных размежеваний.

Региональная полития определена Е.В. Морозовой как «всё многообразие властных структур, органов местного самоуправления, гражданских инициатив и других горизонтальных образований, а также отношений между ними, соответствующих норм и региональной политической культуры» [13, с. 58]. Что объединяет её компоненты? Реализация публичной власти в повседневных политических практиках. Это побуждает анализировать политику как подвижный «континуум институтов и процессов, как формализованных, так и неформальных» [6, с. 89–90].

Категория «полития» близка по смыслу «политической системе», но предпочтительнее, т.к. делает акцент на механизмах самоорганизации региональных сообществ. Функционирование политии отражает термин «политический режим». Политический режим целесообразно толковать коммуникативно, а не юридически. Он формируется вследствие повседневных практик и неформальных институтов политической деятельности. Наиболее операционально определение политического режима по В.Я. Гельману [4, с. 19–20] как совокупности акторов политического процесса, институтов, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти. По композиции и соотношению ресурсов акторов выделяются режимы с одним доминирующим актором (моноцентрические) и режимы со многими конкурирующими акторами (полицентрические). С.В. Борисов предлагает сочетание 4 основных признаков: происхождение правящих групп, количество и соподчинение центрам политического влияния, состояние гражданского общества – инфраструктуру политического процесса, статус региона во внешней (макрополитической) системе [1, с. 99–101].

Путь трансформаций регионов обусловлен (по В.Я. Гельману) двумя основными параметрами: «советским наследием» (долгосрочным различием регионов, вызванным географическими и социально-экономическими факторами), а также траекторией самого перехода – типом взаимодействий акторов и институциональных изменений [4, с. 19–20].

Политические трансформации сравниваемых обществ подтверждают альтернативность их развития, а во многих измерениях – циклическую траекторию изменений. Е. Мачкув предлагает различать переход от авторитарных режимов к демократическим (транзит) и трансформацию посттоталитарных систем. Последняя, состоявшаяся в России и в меньшей степени в Украине, имеет параметры: «дилемму одновременности» (преобразуются все сферы и компоненты общества); приоритет создания «класса» крупных владельцев частной собственности в сравнении со средним классом; опору государственной власти в фазе радикальных перемен на органы госбезопасности и армию; направление трансформации определяется всецело политической волей правительств, а не общественности; отсутствие продуманной стратегии реформ [9, с. 42–45].

Вследствие децентрализации 1990-х гг. в субъектах РФ сложились региональные политии. Они предполагают достаточно высокую автономию акторов и институтов, ресурсов и стратегий политики. С 2000-х гг. региональные режимы интегрированы в общероссийскую политическую систему. Поэтому часто высказывается мнение, что использование термина «региональные политические режимы» применительно к России некорректно, т.к. рецентрализация власти превращает акторов политики в регионах в исполнителей (агентов) федеральной стратегии [12, с. 327–328]. Мы не согласны с данным мнением. Региональные режимы сохраняют своеобразие своих системных свойств в сравнении с общероссийским режимом. Унифицированы нормы права и строение органов государственной власти, но практики политического взаимодействия субъектов влияния сохраняют специфику. Региональные режимы сохраняют достаточно высокую автономию своих акторов и институтов, ресурсов и стратегий политики, что подтверждается наиболее зримо в республиках Северного Кавказа и Поволжья.

Политические режимы большинства российских регионов обрели после переходной неопределенности 1990-х гг. черты «делегативной демократии» (по Г. О’Доннеллу) [23, р. 57–59]. Совокупность признаков «делегативной демократии» в российском варианте сформулировал А.Н. Медушевский [12, с. 327–328]. Такой режим дает парламенту второстепенные функции представительства элит и одобрения законопроектов; лидер режима поддерживает свою власть путем консолидации фрагментированной элиты и создания «партии власти»; оппозиционные партии и СМИ находятся под административным прессингом властей. Режимы такого рода сложились во многих регионах (Москва, Ульяновская, Ростовская области, Чувашия, Краснодарский край).

В немногих регионах России – урбанизированных, с полицентризмом высоко-статусных акторов политики, – могли окрепнуть режимы, близкие к плюралистической демократии [1, с. 99–101; 14, с. 96–106]. Они имели до середины 2000-х гг. черты: совпадение политической легитимности с формальной законностью; реальное разделение властей; открытый характер элит и их развитие на основе компромиссных стратегий взаимодействия; институциональное закрепление реальной многопартийности, свободных СМИ, автономию крупного бизнеса от власти. Такие режимы формировались в Свердловской, Пермской, Ярославской, Томской, Нижегородской областях. Напротив, ряд режимов начал перерождаться еще в 1990-х гг. (Санкт-Петербург, Самарская и Калининградская, Челябинская и Новосибирская области, Красноярский и Приморский края). Данные регионы более легко подверглись авторитарной «инволюции».

Конечно, векторы развития региональных режимов складываются не изолированно от общероссийских тенденций. В 2000–2012 гг. идет рост взаимовлияний федерального и региональных политических процессов. Коллектив авторов под руководством К. Мацузато в итоге сравнения региональных траекторий трансформаций доказал, что в Российской Федерации уровни власти, взаимодействуя, образуют систему «касикизма» [22, с. 8–10, 18]. Она означает: лидеры и элиты нижестоящего уровня мобилизуют электоральную поддержку для вышестоящих лидеров и элит. Те, в свою очередь, оказывают поддержку регионам и муниципалитетам соразмерно затраченным ресурсам. Главные условия стабильности режимов в данной системе – эксклюзивный статус глав регионов и сохранение пакта элит («вынужденного консенсуса»).

Российская исполнительная власть требует от региональных элит, прежде всего, лояльности на выборах и в иных проявлениях политического процесса. Федеральные институты готовы поддержать моноцентристические режимы в регионах, если те проявляют лояльность. Если региональные правящие / влиятельные акторы имеют ценные для федеральных элит ресурсы и политически лояльны, то они могут достигать статуса «эксклюзивного партнера» центра. В противном случае, если влиятельные субъекты политики были нелояльными центру, федеральные элиты стимулировали конкуренцию на уровне региона, выявляя сильнейшего «игрока». Тогда вступали в силу сценарии смены состава региональной правящей элиты под нажимом феде-

ральной власти либо принуждения к смене политических ориентаций прежней правящей элиты. Первый вариант реализовался за 2000-е гг. в Смоленской и Воронежской областях, Санкт-Петербурге, Приморском крае и др. Второй – в Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северного Кавказа и Поволжья.

Косвенный порядок выборов губернаторов в 2005 – начале 2012 гг. вкпе с изменениями партийной и избирательной систем, направленными на монополизацию власти, уменьшили различия региональных политий России и перевели их из сферы публичной политики в область структуры внутриэлитной конкуренции на административных рынках. Р.Ф. Туровский, создавший наиболее перспективную методичку сравнительного анализа региональных режимов, подчеркивает: «В условиях российской элитократии структурирование власти в регионах происходит в первую очередь по линиям расколов между элитными группами и только во вторую очередь между такими политическими институтами, как ветви и уровни власти или же партии» [18, с. 390]. Классификация российских региональных политий проводится Р.Ф. Туровским по четырем осям: «автономия – зависимость», «демократия – авторитаризм», «моноцентризм – полицентризм власти», «консолидация – конкуренция элит», и приоритет отводится именно последней оси [19, с. 85–88]. Степень консолидации элит в российских регионах контрастна, группы влияния образуют подвижные коалиции на основе экономического и политико-персонального соперничества «в недрах» моноцентрических режимов.

Относительная конкурентность политий в ряде российских регионов объясняется либо полицентризмом группировок крупного бизнеса (Пермский край и Иркутская область), либо институционально политизированной этничностью (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария), либо низкой консолидацией административных элит (Астраханская, Волгоградская, Костромская области). Перспективы роста конкурентности ввиду возврата прямых губернаторских выборов и перемен в партийной системе (2012 г.) представляются весьма умеренными.

В сравнении с Российской Федерацией Украина – «глубоко расколотое» общество. В ней отсутствует устойчивая национально-государственная идентичность большинства граждан [21, с. 381–396]. Как объяснить эти различия?

Обе страны имеют сходные социокультурные традиции православия, близкий уровень социально-экономического развития к началу преобразований. Но в Российской Федерации сформировался устойчивый сверхпрезидентский режим при доминировании «партии власти», а Украина остается смешанной республикой с дисперсной многопартийной системой, хотя эффективное число партий снижается и растет неформальный статус президента страны [5, с. 114]. Обратим внимание на статью Ю. Мациевского, который доказал циклический характер трансформаций украинской политики в постсоветский период по осям «низкое – высокое политическое участие»; «высокая – низкая конкуренция»; «демократия – авторитаризм». Зигзагообразная траектория трансформаций привела к переходному, слабо институционализированному режиму [11, с. 35–37; 12, с. 32–36].

Кроме долгосрочных социокультурных размежеваний, приоритетное значение имеет структура политических и бизнес-элит. В Украине она конкурентна. 6–7 группировок корпоративного капитала (Р. Ахметова, Д. Фирташа, И. Коломойского и Г. Боголюбова, Ю. Косюка, А. Веревого, О. Бахматюка), ресурсные базы и зоны, влияния которых во многом совпадают с региональными политиями, контролируют «повестку дня» власти. По подсчетам журнала «Украинский тыждень» (Киев), в 2011 г. только 49,8 % продукции Украины реализовано на рынках без ограничения конкуренции [7, с. 16–19]. С 2010 г. процессы монополизации, сращивания государственной власти и государства активизировались. Накануне выборов в Верховную Раду Украины (октябрь 2012 г.) крупный бизнес контролирует основную часть кандидатов в регионах, причем характерным явлением стали «тушки» – на местном политическом жаргоне так называют политиков, легко меняющих ориентацию [3, с. 2–39]. Э. Уилсон признает, что, хотя раскол элит стал одним из важнейших факторов успеха

«оранжевой революции», он обернулся «серьезным препятствием: равновесие сил между кланами способствовало сохранению пагубного тупика, в котором оказались порядка 6 деловых групп, финансирующих политическую систему» [20, с. 155].

Исследование региональных политий Украины в сравнительном ракурсе, по единой системе индикаторов трансформаций только начинается. Такими индикаторами, по разработке В.В. Романовой, могут быть: консолидация или сегментация среды региональных и субрегиональных политических акторов; концентрация властных полномочий органов исполнительной власти и самоуправления либо разделение властей на региональном и субрегиональном уровне; политико-экономические структуры управления; региональная идентичность политических акторов и общест­венности. Основным ограничителем консолидации режима по варианту «победитель получает все» является преемственность доминантного политического актора. Для сценария «картель элит» таким ограничителем выступает мобилизация голосов избирателей в условиях компромиссных стратегий политики. При смешанном варианте перво­степенную роль играет смена ключевых политических акторов [16, с. 18].

Применив индикаторы, обоснованные В.В. Романовой, с учетом материалов украинской периодической печати и статистики [2; 3, с. 2–39; 17] можно классифицировать региональные политии таким образом: 1) сообщества с консолидированными региональными элитами, монополистическим бизнес-сектором, артикулированными стратегиями автономного развития и зрелой идентичностью (типичные примеры – Донбасс, Галичина, Киев, Харьковская область); 2) сообщества с относительно конкурентными политическими и бизнес-элитами, слабо выраженными стратегиями акторов и зрелой идентичностью (Закарпатье, Крым, Буковина); 3) сообщества с конкурентными политическими и бизнес-элитами, непоследовательными стратегиями акторов и диффузной идентичностью (Одесская, Запорожская, Кировоградская области).

Провал первоначальной модели «оранжевой революции» 2004–2005 гг. наметил вектор сближения политических режимов двух стран, особенно после избрания Президентом Украины В.Ф. Януковича (февраль 2010 г.). Причины и пределы этого сближения носят ситуативный характер. В России 2000-х гг. достигнута рецентрализация институтов и норм политической власти, тогда как Украина вследствие примерного равенства ресурсов конкурирующих коалиций стоит перед перспективой децентрализации, вплоть до федерализации. Институциональный формат украинской политики – высокая степень фрагментации элит, коалиционный тип партий, тяга регионов к изоляции препятствуют консолидации режима по моноцентрическому сценарию. Правящий режим использует в основном стратегии балансирования между регионами и корпоративным бизнесом – «вето-игроками», применяя временные коалиции.

Устойчиво проявляются такие долгосрочные размежевания, как центр - периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. Пространственное распределение расколов совпадает, усиливая конфликтогенный потенциал.

Прочная украинская идентичность (и в государственном, и в этнокультурном смысле) не сформирована. Вряд ли она может быть успешно закреплена в массовом сознании на основе ценностей и ориентаций, присущих лишь одному из соперничающих макрорегионов. По итогам анкетного опроса 2002 г., 37 % респондентов всей Украины на первое место ставят региональную, а не общенациональную идентичность [15, с. 134]. В другом опросе 2002 г. с более дробной шкалой возможных ответов считали себя «прежде всего» жителями местности 31,6 % опрошенных; жителями региона – 5,9 %; представителями своего этноса – 3,0 %; гражданином Украины – 41,0%; гражданином бывшего СССР – 12,7 %; «гражданином мира» – 2,7 % [8, т. 2, с. 343].

Таким образом, преобладание имеет локальная идентичность. В русскоязычных регионах Юга и Востока речь не идет (кроме Крыма) о доминировании русской идентичности. Жители этих регионов осознают себя частью «переходных» сообществ. Так, значительная часть жителей Донбасса и Одессы считает себя особыми

территориальными общностями. Жители Закарпатья считают себя русинами, а не украинцами и не галичанами. Даже во Львове считают себя, прежде всего, украинцами лишь 32,0 % респондентов; горожанами – 22 %; галичанами – 17 %, европейцами – 17 % [8, т. 2, с. 343].

Следовательно, политико-региональное деление Украины на Запад, Юг и Восток приблизительно. Скорее, речь должна идти о центрах политических инноваций («ядрах» социокультурных ареалов) и об их перифериях, плавно переходящих от одного типа ориентаций к другому. Для Запада таким ядром выступает Львовская область, для Юга – Крым, для Центра – Киев, для Востока – Донецкая область. Ярко выражены политико-культурные лакуны. Голосование в них значительно отличается от окружающего ареала (Закарпатье, Севастополь). Социокультурные факторы делят Украину на макрорегионы с противоречивыми политическими ценностями и ориентациями по осям: прозападные – пророссийские ориентации, активность – пассивность.

Таким образом, можно подвести итоги исследования.

Политическая организация российского и украинского обществ носит государственно-центричный характер, власть и собственность не имеют принципиальных разграничений. Обе страны сохраняют неформальные политические практики патрон-клиентарных взаимодействий. В итоге политические процессы приобретают высокую зависимость от пактов элит.

Различия «советского наследия» России и Украины весомы. Российская экономика зависит от экспорта энергоносителей и вооружений, что формирует рентный характер властных практик. Украина не имеет таких источников дохода, ее экономика более диверсифицирована и зависима от стран Европейского Союза. Обе страны полиэтничны и поликонфессиональны. Но детерминирующая роль русского этнического «ядра» в РФ выражена качественно сильнее, чем «украинства» в Украине. Российская политическая система тяготеет к централизму и стандартизации, а украинская – к плюрализму и децентрализации. Постсоветская Россия при всей неопределенности ориентаций ее элит – наследница имперского государства. Украина как целостное образование имеет смысл, только становясь национальным государством.

В России правящие элиты 1990-х гг. «навязывали» реформистский проект обществу, но стремились сохранить свое доминирующее положение в системе акторов политики. Массовое политическое участие ставится под контроль власти. Политический режим закрепляет после этапа переходной неопределенности 1990-х гг. черты «делегативной демократии» (по Г. О’Доннеллу). Переход России к устойчивому политическому порядку завершен и идет его закрепление.

Официально в обоих странах объявлялась цель преобразований – создание демократической политической системы. Но трансформации для России вследствие слабости ресурсной базы и идентичности демократических акторов были «навязанными». Это требовало от реформаторской части элит одновременно закреплять новые институты и требовать от них быстрого эффекта, что вызвало отторжение массовых слоев общества. Реформы теряли прочную социальную базу и демократическую направленность. Акторы политики предпочли «пактовый сговор» публичной конкурентной борьбе. Этот сценарий закрепился из-за ограниченности ресурсов акторов политики «гражданского» типа, конкурирующих с государством и его клиентельными группами.

В итоге «навязанного перехода» 1990-х гг. закрепились базовые формальные институты демократии: разделение законодательной и исполнительной власти; автономия местного самоуправления; альтернативные выборы. В социальном аспекте важно оформление слабо зависящих от государства страт крупных предпринимателей. Но формально-правовые нормы противоречили повседневным практикам политики. Так, партии гражданского, а не элитократического типа остались непопулярными. Упрочение персонифицированной власти с доминированием исполнительной ветви стало следствием корпоративных пактов между политической элитой и крупным бизнесом.

Тип «советского наследия», благоприятный для демократизации (Украина), имеет черты высокой автономии акторов и структурного раскола «центр-периферия». Моноцентричному режиму в России способствовали отраслевая однородность экономики, низкая автономия акторов политики и слабость структурных расколов. Напротив, быстрый компромиссный переход к устойчивой демократии не состоялся. Формальные институты легитимировали неформальную власть. Основными препятствиями для закрепления демократии стали неустойчивость ресурсных баз основных акторов и возможность применения ими силовых стратегий. Нет гарантий консолидации демократии. Напротив, переходный режим может вырождаться в авторитаризм либо стагнировать на неопределенное время. При незрелости гражданского общества пространством «кристаллизации» базового политического процесса становится «зона отчуждения» между обществом и государством, где действуют неформальные практики патрон-клиентарных отношений.

Россия после краткого этапа неустойчивости приняла де-факто президентскую форму правления (октябрь 1993 г.), а Украина колеблется между парламентской и смешанной республикой. В обеих странах нормативно-правовые акты часто меняются в зависимости от политической конъюнктуры. Так, непоследовательность Конституционного Суда Украины в конце 2004 г. позволила провести третий тур президентских выборов и легитимировать «оранжевую» революцию. При смене политических лидеров в Украине меняется модель разделения властей: от президентской – к парламентской модели в 2004–2005 гг. и обратно – с февраля 2010 г.

Если вектор развития элит и партийной системы России с 1999 г. устойчиво связан с концентрацией власти, уменьшением эффективного числа партий, повышением государственного влияния, то субъекты политики в Украине развиваются в противоположном направлении. Правящий с 2010 г. Президент В.Ф. Янукович, выражающий интересы «донецкого» пула элит, пытается выстроить «вертикаль власти», но сталкивается с сильными ограничителями: общественным мнением, расколом политико-культурного пространства, евроатлантической ориентацией Украины.

Обе страны имели сходные политические традиции, близкий уровень социально-экономического развития к началу преобразований. Но в России сформировался устойчивый сверхпрезидентский режим при доминировании «партии власти», а Украина остается смешанной республикой с неустойчивой многопартийной системой. В России 2000-х гг. достигнута рецентрализация институтов и практик власти, а Украина стоит перед перспективой децентрализации. Провал радикального варианта «оранжевой революции» наметил сближение политических режимов двух стран после избрания Президентом Украины В.Ф. Януковича (2010 г.). Причины и пределы сближения носят ситуативный характер.

Список литературы

1. Борисов С. В. Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 1990-е гг. / С. В. Борисов // Полис. – 1999. – № 1. – С. 99–101.
2. Всеукраинская перепись населения 2001 г. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. Государственный комитет статистики Украины. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., укр.
3. Выборы-2012: как обнаружить «тушку»: Специальный выпуск // Комментарии. – 2012. – № 29–30 (319). – С. 2–39.
4. Гельман В. Я. Трансформации и режимы. Неопределенность и её последствия / В. Я. Гельман // Россия регионов: трансформация политических режимов / под общ. ред. В. Я. Гельмана, С. И. Рыженкова, М. Бри. – Москва : Весь мир; Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2000. – 376 с.
5. Гилев А. В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? / А. В. Гилев // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С. 107–121.
6. Дахин А. В. Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции / А. В. Дахин // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 89–90.
7. Заславська М. Рай для олігархів: В Україні панують ідеальні можливості для розвитку та процвітання монополій / М. Заславська // Український тиждень. – 2012. – № 32 (249). – С. 16–19.

8. Кремень В. Г. Україна: проблеми самоорганізації / В. Г. Кремень, Д. В. Табачник, В. М. Ткаченко. – Київ : Промінь, 2003. – Т. 2. – 464 с.
9. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация / Е. Мачкув // *Полис*. – 2000. – № 4. – С. 38–59.
10. Мацневский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004–2010 гг. / Ю. Мацневский // *Полис*. – 2010. – № 5. – С. 17–37.
11. Мацневский Ю. Политический режим Украины после «оранжевой революции» / Ю. Мацневский // *Политическая экспертиза*. – Санкт-Петербург, 2008. – Т. 4. – № 4. – С. 18–49.
12. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты / А. Н. Медушевский. – Москва, 2002. – 512 с.
13. Морозова Е. В. Региональная политическая культура / Е. В. Морозова. – Краснодар, 1998. – 346 с.
14. Панов П. В. Региональный политический режим Пермской области: «сообщество элит без доминирующего актора»? / П. В. Панов // *Политический альманах Прикамья*. – Пермь : Пушка, 2002. – Вып. 2. – С. 96–106.
15. Попов Э. А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции / Э. А. Попов // *Современные политические процессы на Украине*. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 125–137.
16. Романова В. В. Трансформація політичного режиму в Україні на регіональному та субрегіональному рівні : автореф. дис. ... канд. політ. наук / В. В. Романова. – Миколаїв, 2008. – 19 с.
17. Сибиряков С. Электоральная география о пространственных закономерностях выборов, электоральном поведении и идентичности украинских избирателей / С. Сибиряков. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/7391.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
18. Туrowsкий Р. Ф. Структурирование власти в российских регионах: между консолидацией и конкуренцией элит / Р. Ф. Туrowsкий // *Элиты и общество в сравнительном измерении* : сб. ст. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 390–405.
19. Туrowsкий Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа / Р. Ф. Туrowsкий // *Полис*. – 2009. – № 2. – С. 77–95.
20. Уилсон Э. Рецензия: Anders Aslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy / Э. Уилсон // *Pro et Contra*. – 2009. – № 5–6 (47). – С. 154–157.
21. Україна: Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер. – Київ : К.І.С., 2011. – 416 с.
22. Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? : сб. ст. / под ред. К. Мацзато. – Москва : Материк, 2004. – 368 с.
23. O'Donnell G. Delegative Democracy / G. O'Donnell // *Journal of Democracy*. – Baltimore, 1994. – Vol. 5. – № 1. – P. 55–69.

References

1. Borisov S.V. Aktualnyy politicheskiy rezhim v Nizhegorodskoy oblasti: stanovleniye v 1990-e gg. *Polis*. 1999, no. 1, pp. 99–101.
2. *Vseukrainskaya perepisi naseleniya 2001 g. Chislennost i sostav naseleniya Ukrainy po itogam Vseukrainskoy perepisi naseleniya 2001 g. Gosudarstvennyy komitet statistiki Ukrainy*. Available at: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality>.
3. Vybery-2012: kak obnaruzhit «tushku»: Spetsialnyy vypusk. *Kommentarii*. Kiev, 2012, no. 29–30 (319), pp. 2–39.
4. Gelman V.Ya., Ryzhenkov S.I., Bri M. *Transformatsii i rezhimy. Neopredelennost i yeye posledstviya. Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov*. Moscow : Ves mir; Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2000, 376 p.
5. Gilev A.V. Politicheskiye transformatsii na postsovetском prostranstve: imeyut li znachenije «tsvetnyye revolyutsii»? *Politiya*. 2010, no. 2 (57), pp. 107–121.
6. Dakhin A.V. Regionalnaya stratifikatsiya politicheskogo prostranstva Rossii: novyye podkhody i tendentsii. *Politicheskaya nauka*. 2003, no. 3, pp. 89–90.
7. Zaslavska M. Ray dlya oligarkhiv: V Ukraini panuyut idealni mozhlivosti dlya rozvitku ta protsvitannya monopoliy. *Ukrainskiy tizhden*. Kiev, 2012, no. 32 (249), pp. 16–19.
8. Kremen V.G., Tabachnik D.V., Tkachenko V.M. *Ukraina: problemi samoorganizatsii*. Kiev: Promin, 2003, vol. 2, 464 p.
9. Machkuv Ye. Preobrazovaniye kommunisticheskogo totalitarizma i postkommunisticheskaya sistemnaya transformatsiya: problemy, kontseptsii, periodizatsiya. *Polis*. 2000, no. 4, pp. 38–59.
10. Matsiyevskiy Yu. Smena, tranzit ili tsikl: dinamika politicheskogo rezhima v Ukraine v 2004–2010 gg. *Polis*. 2010, no. 5, pp. 17–37.
11. Matsiyevskiy Yu. Politicheskiy rezhim Ukrainy posle «oranzhevoy revolyutsii». *Politicheskaya ekspertiza*. St. Petersburg, 2008, vol. 4, no. 4, pp. 18–49.
12. Medushevskiy A.N. *Sravnitelnoye konstitutsionnoye pravo i politicheskiye instituty*. Moscow, 2002, 512 p.
13. Morozova Ye.V. Regionalnaya politicheskaya kultura. Krasnodar, 1998, 346 p.

14. Panov P.V. Regionalnyy politicheskiy rezhim Permskoy oblasti: «soobshchestvo elit bez dominiruyushchego aktora»? *Politicheskiy almanakh Prikamya*. Perm: Pushka, 2002, Vol. 2, pp. 96–106.
15. Popov E.A. Nastupleniye na russkiy yazyk na Ukraine: do i posle «oranzhevoy» revolyutsii. *Sovremennyye politicheskiye protsessy na Ukraine*. Rostov on Don, 2009, pp. 125–137.
16. Romanova V.V. *Transformatsiya politichnogo rezhimu v Ukraini na regionalnomu ta subregionalnomu rivni*. Mikolayev, 2008, 19 p.
17. Sibiryakov S. *Elektoralnaya geografiya o prostranstvennykh zakonornostyakh vyborov, elektoralnom povedenii i identichnosti ukrainskikh izbirateley*. Available at: <http://www.iarex.ru/interviews/7391.html>.
18. Turovskiy R.F. Strukturirovaniye vlasti v rossiyskikh regionakh: mezhdru konsolidatsiyey i konkurentsiyey elit. *Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii*. Moscow, 2011, pp. 390–405.
19. Turovskiy R.F. Regionalnyye politicheskiye rezhimy v Rossii: k metodologii analiza. *Polis*. 2009, no. 2, pp. 77–95.
20. Uilson E. Retsenziya: Anders Aslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. *Pro et Contra*. 2009, no. 5–6 (47), pp. 154–157.
21. *Ukraina: Protsesi natsiotvorenniya*. Kiev, 2011, 416 p.
22. *Fenomen Vladimira Putina i rossiyskiye regiony: pobeda nezhdannaya ili zakonornaya?* Moscow: Materik, 2004, 368 p.
23. O'Donnell G. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. Baltimore, 1994, vol. 5, no. 1, pp. 55–69.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЯХ: ЛАТЕНТНЫЕ СТРУКТУРЫ ИЛИ ПУБЛИЧНЫЕ АКТОРЫ?

Мирошниченко Инна Валерьевна, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: mirinna78@mail.ru

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414026, Россия, г. Астрахань, ул. Таглицева, 20а
E-mail: usmanr@mail.ru

Сетевизация публичной политики обуславливает формирование принципиально новой модели организации социально-политического пространства. Предмет данного исследования – способы актуализации субъектности социальных сетей в социально-политическом пространстве регионов России. Цель исследования состояла в выявлении и обосновании роли социальных сетей в формировании институционального дизайна региональных политий современной России. Анализ результатов эмпирических исследований сетевых структур региональных политий Краснодарского края и Астраханской области на основе бинарного сравнения показал, что открытые социальные сети несут в себе мощный потенциал низкой гражданской активности, способствующей формированию общественно-значимого дискурса регулирования государственного администрирования и влиянию на решения общественно-значимых проблем. Как в научном, так и в практически-прикладном аспектах представляется важным исследование роли социальных сетей в формировании институционального дизайна публичной политики. Институционализированные формы политического капитала открытых сетевых структур способствуют формированию акторов публичной политики и расширению ее границ.

Ключевые слова: социальные сети, социальный и политический капитал, публичная политика, теневая сфера и латентные структуры в политике.

SOCIAL NETWORKS IN REGIONAL POLICY: LATENT STRUCTURES OR PUBLIC ACTORS?

Miroshnichenko Inna V., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia
E-mail: mirinna78@mail.ru